

ЧТО АРТИСТ МОЖЕТ?

 СОВЕТСКИЙ КУЛЬТУРА
 Г. МОСКВА

26 МАЯ 1987

После премьеры спектакля «Нищий, или Смерть Занда» Ю. Олеси, поставленного М. Левитиным в Московском театре миниатюр, один молодой режиссер сказал о Викторе Гвоздицком несколько даже растерянно: «Этого не может быть, но он, кажется, действительно может все...» Спектакль смотрела целая группа режиссеров и актеров, посыпались вопросы: где был раньше, какие роли играл. В общем, «почему не знаем»? Москва действительно только в последние годы, когда Виктор Гвоздицкий переехал из Ленинграда в столицу и стал работать в Театре миниатюр, обратила на него свой заинтересованный взгляд. А в Ленинграде, работая в таких прославленных театрах, как АБДТ им. М. Горького и Академический театр комедии, Гвоздицкий сыграл много ролей, принесших ему успех.

Альцест в «Мизантропе» Мольера, Персине в «Романтиках» Э. Ростана, Буланов в «Лесе» А. Н. Островского, Имруш в «Телевизионных помехах» К. Сакони, секретарь — «Синее небо, а в нем облака» В. Арро... Называю только крупные роли артиста. Но десятилетие своей ленинградской жизни Виктор Гвоздицкий завершил несколькими работами особенно яркими: Тень в одноименной пьесе Е. Шварца (возобновленная Ю. Аксеновым постановка Н. Акимова), Том в «Стекланном зверинце» Т. Уильямса (на эту роль актер был приглашен режиссером Г. Яновской в Малый драматический театр) и моноспектакль «Пушкин и Натали», поставленный К. Гинкасом.

Эти роли привлекли к Виктору Гвоздицкому внимание зрителей и критики (к тому же со спектаклем «Пушкин и Натали» артист побывал уже во многих городах страны). Появились статьи, творческие портреты, множество зрительских откликов. Но если роль Тени единодушно была признана удачей, то мнения о моноспектакле «Пушкин и Натали» разделились. Впрочем, последнее закономерно. Каждый из нас хранит и тщательно оберегает представление о своем Пушкине и не слишком доверяет восприятию кого-то другого. Особенно, когда этот «другой Пушкин» столь индивидуален, дерзостно нехрестоматиен, так беззащитно-откровенен в своих мыслях и чувствах.

В нынешнем сезоне этим спектаклем открылась Малая сцена Московского театра миниатюр, где сейчас работает Виктор Гвоздицкий, и можно только радоваться, что еще многие зрители смогут увидеть эту интересную постановку.

Гвоздицкий практически не снимается в кино. Не знаю, в

чем тут причина — то ли в одержимой преданности актера театру, то ли в инертности кинорежиссеров, опасующихся ярко выраженной его «театральности».

Но это дело прошлого и будущего актера, нынешние же работы Гвоздицкого в спектаклях М. Левитина «Здравствуйте, господин де Мопассан!», «Соломенная шляпка», «Мы собрались здесь», «Нищий, или Смерть Занда» становятся поводом для споров и раздумий.

В спектакле по произведению Мопассана Гвоздицкий сыграл роль графа де Маскаре, человека, пытающегося осознать свое собственное чувство и ответить на мучительный вопрос: что есть любовь? Эту роль можно трактовать по-разному. Гвоздицкий последовательно настаивает на том, что искупление вины Маскаре — в его беспредельном чувстве. Финальную сцену объяснения героев актер выстраивает на подавленном, загнанном глубоко внутрь рыдании, когда только рука, ожесточенно отбивающая внутренний ритм, выдает неистовство его страсти. Позади эмоциональные взрывы, бешенство ревности, что же впереди? Человек познал, что любовь «сильна, как смерть», но знание это не облегчило его страдание, а заставило глубоко заглянуть в себя, пробудило человеческое — вот серьезный итог роли и спектакля в целом.

В «Соломенной шляпке», прелестном водевиле Э. Лабиша, поставленном в традициях ярко театральных, Виктор Гвоздицкий ощущает себя привольно. Стихия игры, фантазии, импровизации как нельзя более соответствуют природе его дарования. Его Фадиар — легкий, заразительно веселый, ироничный, завоевывает мгновенно симпатии зрительного зала.

Думается, что Шлиппенбах в спектакле «Нищий, или Смерть Занда» в какой-то степени можно считать итоговой для первых сезонов работой Гвоздицкого как артиста Театра миниатюр. В первых двух актах этого спектакля он играет «рокового соблазителя», вальяжного, победительного, небрежно и при этом весьма элегантно растаптывающего жизнь и любовь Занда. В третьем акте, когда по воле создателей спектакля герои словно меняются местами и Занд становится двойником Шлиппенбаха, мы видим героя, сломленного собственными «победами». Страшна оборотная сторона медали — безжалостно растоптав чужую жизнь, герой Гвоздицкого сам становится жертвой. В этих двух ипостасях роли актер равно убедителен и интересен.

О. ШВЕДОВА.